

ТРЕТЬЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА

«НОВОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА»

STRATEGIC GROUP SOFIA: автор и руководитель
проекта – Ермолаев Андрей

Вместо предисловия. Цель этого доклада – представить в общих чертах модель полит-экономического развития Украины в условиях начавшейся в мире Депрессии 2.0.

Докладная форма изложения позволяет ограничиться общими констатирующими положениями. В отличие от исследовательских и аналитических текстов, доклад позволяет в сжатой форме дать только общие характеристики Нашего времени, сформулировать ключевые задачи национального стратегирования в новых условиях и дать краткий перечень предложений, связанных с полит-экономическим моделированием в этих условиях.

Целый ряд существенных аспектов - административно-территориальная реорганизация страны, изменения в политической системе, гуманитарная и социальная политики - останутся за пределами доклада.

I. Третья Глобализация

Кризисы последних двух десятилетий напомнили всем, что независимо

от разнообразия новых определений, современный нам мир по-прежнему движется в рамках капиталистической мир-системы. Рынок и товарное производство, капитал и рабочая сила, прибавочная стоимость вот уже несколько столетий определяют основное русло развития всей сложной системы общественных отношений.

Рожденный в эпоху формирования «мировой торговли», капитал постепенно проник во все сферы жизнедеятельности, добрался до самых дальних уголков планеты, связал в единый экономический комплекс самые разные по природе и происхождению уклады жизни и способы хозяйственной деятельности (о генезе капитала, трансформационных циклах накопления – в работе «[Есть ли будущее у глобальных «фабрик людей»](#)», Андрей Ермолаев).

В отличие от докапиталистических способов экономической деятельности, капитал «запрограммирован» на расширение – пространственно-терри-

ториально и по сферам деятельности. Капитал – «вирус», ломающий барьеры государственных и социо-культурных границ, ослабляющий иммунитет старых традиций, привычек и укладов. **Капитал – «вирус глобализации».**

«Глобализация – это движение в направлении сокращения и уничтожения барьеров в международном хозяйственном обмене. Речь идет о преодолении барьеров естественных, физических, в результате чего все меньше становится того, что «за горами, за лесами», и все больше того, что оказывается на расстоянии вытянутой руки. Особую роль играет здесь технический прогресс. Но и его недостаточно, если не выполнено второе условие – устранение созданных человеком политических барьеров» (Гжегож Г. Колодко, «Мир в движении»).

Рождение капитала как господствующего экономического уклада сделало глобализм неизбежностью. Сначала – как единый рынок международной торговли, затем – как единый многоукладный производственный комплекс (мировое разделение труда). И сейчас мир входит в новую фазу капиталистической глобализации – производство и проектирование самих сообществ как социальных систем, функционально обеспечивающих глобальный комплекс.

Каждому этапу глобализации соответствовала и подвижная система полит-экономической организации, определяемая господствующими технологическими укладами и мировоззренческими установками: на первом этапе глобализации – империи и территориальные колонии, на втором – национальные государства и иерархия «первого», «второго» и «третьего» миров, организованная с помощью системы нео-колониального управления.

Будущая архитектура мира еще только складывается. Но уже сейчас очевидно, что определяющую роль будут играть политически со-организованные социокультурные миры, опирающиеся на макрорегиональные полит-экономические союзы и со-общества, ге-оэкономическую многополярность и господство 5 и 6 технологических укладов (энергия из возобновляемых источников, нано-технологии, био-технологии и био-инжиниринг, информационно-коммуникационные технологии и «искусственный интеллект», робототехника, пр.).

1) Торгово-колониальная глобализация

Фритрейдерский капитализм стал основой первой глобализации, которая вошла в историю как эпоха британского мирового господства (Pax Britannica). Мир был объединен всеохватной торговлей, в которую были вовлечены несколько десятков существовавших тогда государств, большая часть из которых были колониальными империи. Эта эпоха вошла в историю и как «золотой век» капитализма, сопровождавшийся свободой рынка и бурным ростом промышленности, созданием национальных государств, рождавшихся в буржуазных революциях и во внутренних гражданских войнах. **«(...) XIX в. принес с собой явление, совершенно неслыханное в летописях западной цивилизации, а именно – Столетний мир 1815-1914гг. Если оставить в стороне Крымскую кампанию – войну до известной степени колониальную по своей природе, - то окажется что Англия, Франция, Пруссия, Австрия, Италия и Россия воевали между собой в общей сложности не более полутора лет. Аналогичные расчеты по двум предшествующим столетиям дают в среднем 60-70 лет крупных войн в каждом. Между тем, даже самое яростное из столкновений XIXв.,**

франко-прусская война, продолжалась меньше года, а побежденная нация смогла выплатить неслыханную по тем временам контрибуцию без каких-либо последствий для валютных систем соответствующих государств» (Карл Поланьи, «Великая трансформация»).

Первая глобализация основывалась на относительных свободах перемещения капитала, товаров, и услуг, при фактически полном отсутствии свободы перемещения рабочей силы. Более того, большая ее часть, особенно – в периферийной (преимущественно колониальной) части мировой экономики, была в положении административно-правовой зависимости (разные формы крепостного права) и сохраняющегося рабовладения.

Промышленная революция и рост новых социальных противоречий (классовые конфликты, кризис в отношениях метрополий и колоний, национально-освободительные процессы) к началу XX века стали главной причиной конфликта держав, балансирующих свои интересы на протяжении всего предыдущего «Столетнего мира». Рынки, ресурсы, рабочая сила стали «яблоком раздора», что в итоге и стало причиной начала Большой мировой войны (1904-1975).

По мере разворачивания Большой мировой войны место ослабевшей Британской империи занял новый экономический лидер – США, ставший по итогам т.н. «первой мировой войны» (1914-1918) главным кредитором воюющих сторон и основным геополитическим выгодополучателем.

2) Промышленно-финансовая глобализация

Милитаризация экономик в условиях Большой войны на добрых 4 десятилетия обеспечила успешное функционирование новой, пост-либеральной политэкономии

ческой модели – государственно-монополистического капитализма (ГМК). ГМК и Великая Депрессия 1929-33гг стали «могильщикам» прошлого фритрейдерского капитализма. Старый либеральный рынок, основанный на торговле и «балансе интересов» навсегда ушел в прошлое.

Монополии, объединяющие воедино экономический и административно-силовой капитал, и **новые**, основанные на вынесении производства и промышленно-технологических инвестициях, **транснациональные связи** предопределили новый виток глобализации, известный как «новый американский век» (Pax Americana). Его особенностью стало противостояние двух систем социальной организации государственно-монополистического капитализма – в оболочках «западной демократии» и «социалистического эксперимента» (СССР и его союзники по т.н. «соцлагерю» по итогам второй мировой войны 1939-1945гг.). При этом, закрытость т.н. «социалистического лагеря» обеспечивала несомненные конкурентные преимущества для западного мира.

По итогам второй мировой войны и реализованного с хирургической точностью американского «плана Маршалла» для Европы, а точнее – для обескровленных бывших территориальных империй Европы («**кредиты и инвестиции в обмен на де-колониализацию**») сформировался новый режим функционирования глобального рынка – нео-колониализм, где главными актором стал транснациональный капитал (ТНК).

Загрузка американской экономики заказами согласно «плану Маршалла», товарные кредиты в обмен на сворачивание присутствия старых европейских империй на рынках собственных колоний, господство технологических стандартов и энергетическая зависимость Европы от США (поставки

североамериканской нефти, доминировавшие до конца 1960х) – все это обеспечило США резкий подъем и неоспоримую геополитическую гегемонию на Западе.

И в этом смысле европейский интеграционный процесс, начавшийся с «Европейского объединения угля и стали» и воплотившийся в итоге в ЕС, можно рассматривать как политику «высвобождения». В первые десятилетия XXI века геозкономический «развод» с США и демонтаж американской гегемонии в Европе стал, по сути, общеевропейским курсом, свидетельство чему – отказ ЕС от единой зоны свободной торговли с США и принятие программ PESCO (новая европейская безопасность, 2017г.), включая собственную армию ЕС, инициацию новой пост-минеральной модели экономики («Киотский процесс») и «Нового Зеленого курса» (2020г.), Единый цифровой рынок ЕС (DSM), и др. Но почти столетия Европа была «младшим геополитическим братом» США и важным элементом «Pax Americana».

В 1950-1970-е годы ново созданная Бреттон-Вудская финансовая система (МВФ и Мировой банк), новые институты глобальной координации и «ограниченного суверенитета» (ООН, ГАТТ-ВТО), двух-блоковая геополитическая архитектура миро-порядка (НАТО и блок «Варшавского договора») **впервые вывели глобализированный мир в координаты устойчивого над-национального управления.** На смену торговой глобализации пришла глобализация промышленно-финансовая, с вынесением производства в страны-нео-колонии, с созданием новой ресурсной базы (добыча ископаемых), с формированием сложных транснациональных производственных цепочек («сырье-переработка-НИОКР-готовая продукция-рынки сбыта») и соответствующей финансовой, торговой и транс-

портно-логистической инфраструктурой.

Большая часть бывшего колониального мира, получив шанс на государственность в условиях нео-колониализма, встраивалась в систему международного разделения труда на основе типовой модели т.н. «договоряющей модернизации». Их рынки и ресурсы (сырье, рабочая сила) соподчинялись интересам ТНК и правительств, поддерживавших интересы транс-национального капитала с помощью двух сил - кредитов и оружия, и обеспечивавших безопасность лояльных политических режимов.

«(...) В целом страны «третьего мира» - своего рода рай для капитализма, предлагающий условия жизни, какими они были в Европе и Соединенных Штатах в XIX веке при уровне доходов гораздо выше, чем он мог бы быть сегодня в какой-либо стране с сильными экономическими законами. Класс компрадоров получает щедрую компенсацию за свое сотрудничество. Его лидеры набивают себе карманы иностранной помощью, направляемой правительством США. Стабильность обеспечивается силами безопасности, которые вооружаются и проходят подготовку в Соединенных Штатах по последним технологиям террора и репрессий» (Майкл Паренти, «Власть над миром»).

Большая мировая война, с паузами на локальные войны и «холодную войну», длилась почти 7 десятилетий. И лишь очередной циклический кризис (1973г.) и нарастающее сопротивление в рамках антиколониального движения вынудили двухполюсный мир к геополитическому компромиссу, возможно – самому крупному в политической истории XX века. В 1974 году Организация объединенных наций под давлением стран-участников «движения неприсоединения» (нео-колонии, боровшиеся за право на успешную модер-

низацию) принимает Резолюцию о новом экономическом порядке, защищающем права стран т.н. «третьего мира», большинство из которых было образовано из колоний в 1930-1950 гг. А в 1975 году на конференции по безопасности в Хельсинки была принята Хельсинская декларация, претендовавшая на фундамент для нового геополитического миропорядка.

Эти инициативные коллективные решения опережали время на несколько десятилетий. Реальная трансформация мира – экономическая и геополитическая – была возможна лишь при условии полного разрушения нео-колониальной модели и формирования устойчивого много-полюсного мира.

Но вместе с тем, вторая глобализация – или «вестерн-глобализация по-американски» – обеспечила международное разделение труда и фактическую «глобальную индустриализацию», выпустила из-под контроля политической власти отдельных государств транснациональные структуры (ТНК), влиявшие теперь на экономические и политические события даже больше, чем национальные правительства.

Признание общечеловеческих ценностей как необходимой основы миро-устройства и права человека, международное право, модель «социального государства», новые гарантии защиты труда, расширение прав на свободу перемещения, глобальные институты, координирующие политику стран-членов ООН в области экологии, здравоохранения, защиты культурного наследия и др. – все это стало новым базисом для глобального со-развития.

Вторая глобализация, или вестерн-глобализация, практически на всей своей протяженности характеризовалась ограниченностью всех т.н. экономических свобод. Возможности перемещения капитала

были ограничены экономическими границами двух систем – «западной демократии» и «соцлагеря». То же касалось товаров и услуг. Перемещение рабочей силы было купировано двуполярной системой.

Вторая глобализация актуализировала и необходимость «пятой свободы» - свободы и доступности технологий. Собственно, технологические войны и стали особой, специфической чертой второй глобализации и во многом стали причиной ее завершения и стагнации.

Вместе с тем, кризис и распад СССР в начале 1990-х привел ко временному всплеску свобод и господству нео-либерального механизма «всеохватности». Еще никогда в истории капитал не был так свободен в сфере финансов: международные кредитные пирамиды, рискованные инвестиции и спекулятивные игры на глобальных рынках.

Транс-национальный характер производственных связей позволял теперь глобальному финансовому капиталу реализовывать и структурные изменения мировой экономики: центры высокотехнологических разработок – в США и Европе, сырьевая база в странах со слабой индустриальной базой (Африка) или трофейной экономикой (страны бСССР), и смещение мирового промышленного сектора в сторону мобильных и дисциплинированных азиатских обществ (феномен «экономических драконов» - Япония, Южная Корея, Тайвань, Малайзия, и др.).

Но временная геополитическая и геоэкономическая однополярность, установившаяся с 1990х годов после распада бСССР, нарушила и старое равновесие «двух лагерей», ускорила глобальную конкуренцию.

Экономический успех Китая в этот период, как нового центра роста, существенно отличался от предыдущих «азиатских

тигров». По существу, Китаю удалось то, что не получилось у закрытого и бюрократизированного БСССР. Накануне новых технологических переворотов и глобальных трансформаций **Китай предложил миру глобальную альтернативу, которая, казалось, невозможна после краха БСССР и распада соцлагеря.**

Китай создал новую и эффективную модель управления развитием, сочетавшую капиталистический уклад и социальное государство социалистического образца, обеспечил новый характер партнерства государственного и частного капитала, плановое реинвестирование в новые технологические уклады. И благодаря этому за пару десятилетий стал не просто «объектом инвестиций», а **альтернативным центром накопления мирового капитала.** Идеологической альтернативой обанкротившегося неолиберализма стала идея «человечества общей судьбы» (плюрализм гуманного развития), предполагающая дальнейший путь глобализации на основе многообразия социальных систем, неконфликтности отношений и геопро странственного сотрудничества. И если БСССР ограничивался «лагерями союзников» и закрытыми границами, Китай реализует политику «пояса-пути», как практического воплощения предложенной идеи.

Успех Китая, собственно, и подвел черту под кризисной, конфликтной второй глобализацией, которая перестала быть «вестерн-глобализацией».

3) Третья глобализация: ультра-глобализм

Третья глобализация разворачивается на наших глазах.

И в прошлом, при трансформационных переходах, мир сотрясали испытания, которые воспринимались людьми

не иначе как «хаос» и «крах порядка».

Рах Britannica рождался после наполеоновских войн, потрясших старую европейскую аристократию и королевские дома. «Священный союз» и последовавший за ним «мирный век», сопровождавшийся промышленным бумом, активным освоением колоний и целой чередой национальных революций, представлялся устойчивой и прогрессивной мировой системой. Шок от начала Великой мировой войны и растущего всеохватного милитаризма, казалось, тоже обрекает мир на хаос и распад. Собственно, вся (или почти вся) эпоха Рах Americana была эпохой бесконечных войн, потрясений, малых и больших кризисов. В эту эпоху кризисы разного масштаба стали своеобразной социальной технологией управляемого развития и расширения капитала.

Условно, конечно, но первую глобализацию можно охарактеризовать как «глобализацию с помощью общего порядка», а вторую – как «глобализацию с помощью кризисов» («капитализм катастроф» - термин, предложенный Наоми Кляйн применительно к капитализму XX века).

В этом контексте, переживания событий двух десятилетий 21 века соразмерны и прошлым переживаниям. Апокалиптические оценки доминируют над оптимизмом. Глобальный финансовый кризис 2008-2009 гг, многочисленные военные конфликты, миграционный кризис, пандемия коронавируса и разворачивающаяся Депрессия 2.0 многими воспринимаются как звенья «цепи распада». Неслучайно самым популярным в последнее время стало утверждение о новом хаосе, крахе миропорядка, и даже конце глобального мира.

Но глобальный мир – материальная реальность, и от него никто не сможет

убежать ни в «национальную квартиру», ни в закрытый «блок союзников».

На смену ведущих мировых производительных сил (военно-промышленного комплекса и микро-электроники) приходят новые – информационно-коммуникационный, медиа-промышленный и медико-промышленный комплексы.

Глобальные производственные цепочки и целые геоэкономические кластеры, мировая коммуникационная паутина, интегрированные региональные экономики и целая система глобальных структур, координирующих и регулирующих международные отношения, все это – уже функционирующий продукт двух предыдущих циклов глобализации. Благодаря интернету в общем доступе оказались мировое научное и культурное наследие, образовательные ресурсы, прямая коммуникация практически в любой области деятельности – от бизнеса и научных проектов до межличностных связей. Новый мир стал не только интер-национальным, но и интер-классовым, интер-персональным.

Старый глобализм, опиравшийся на территориальную экспансию, военное господство, монополию на идеологию развития – действительно уходит. Новый ультра-глобализм внесет существенные коррективы в управления «свободами», на которых традиционно растет влияние и обеспечивается максимальная прибыльность капитала.

Контроль, ограничения и управление придут на смену старых свобод. Перемещение труда будет квотироваться и жестко регулироваться. Свободы перемещения товаров и услуг во многом будут ограничены протекционизмом. Свобода капитала, в свою очередь, будет наталкиваться на государственно-капиталистический пропускной «фильтр», ограничения в спе-

кулятивных операциях, и на контроль за происхождением капитала. Пятая свобода, ставшая особенно актуальной с началом «гонки технологий», – свобода распространения и внедрения новых технологий – также окажется в зависимости от «центров разработки решений».

В тумане хаотичного перехода уже просматриваются черты следующей мир-системы, рождение которой напоминает картину Сальвадора Дали «Геополитический человек» (в Наше время корrekтнее было бы – «диджитал-человек»).

Первое. Выдвижение на передний план новых производительных сил – медиа-промышленного, информационно-коммуникационного, медико-промышленного комплексов – влекут за собой революцию в организации капитала, глобальную финансово-монетарную трансформацию и структурную реформу сложившегося глобального разделения труда. «Тяжелые» промышленно-финансовые ТНК, чьи активы разбросаны по всей планете, уступают или сами трансформируются в гибкие «платформы», обеспечивающие связь производителя с потребителем с целью достижения максимальной эффективности бизнес-решений и минимизации рисков.

«(...) Сегодня мы наблюдаем ранние стадии нового промышленного потрясения, причем более широкого и масштабного. Трудно вспомнить какую-нибудь значительную кампанию в любой сфере рынка, которую не затронула бы накатывающаяся технологическая волна. В новую эпоху успешными будут те компании, что объединяют в себе разум и машины, продукты и платформы, ядро и толпу, причем делают это совершенно не так, как большинство современных предприятий. Владельцы бизнеса, которые не берутся за преобра-

зования, предпочитая поддерживать нынешнее технологическое и организационное состояние, делают тот же выбор, что и трасты, решившие (- в конце XIX–нач. XX вв., - авт.) полагаться на пар или групповой привод. И судьба их ждет такая же.» (Э.Макафи, Э. Бриньолофонсон, «Машина. Платформа. Толпа»)

Огромные накопленные производительные активы (от предприятий до транспорта и плановой услуги) в таких условиях будут задействоваться максимально рационально, с возможностью долгосрочного планирования, проектирования и коррекции конечного продукта.

По существу, **мир у порога олигополистических «глобал-планов» и «глобал-снабов»** (- условное созвучие с известными советскими «госснабами» и «госпланами», - авт.), **которые делают всю систему мировой экономики все более синхронизированной, с «учетом и контролем».**

Накопленные и планируемые новые производительные активы (с издержками на их создание, технологическую поддержку и кадровое обеспечение) станут сферой риска капитала условного «среднего звена», который будет вынужден конкурировать за потребителя во всех точках мира, искать кластерные связи и долгосрочные заказы с возможностью постоянного технологического обновления. На первое место выходит новация, связь продукта с потребительским запросом, универсальность доступа платформ для разных рынков. Кажется, капитал достиг того предела, который Карл Каутский называл «сверх (ультра)-империализмом».

«Экономика платформ» более адекватна и эффективна для олигополистического капитала, чем старая и конфликтная система конкурирующих ТНК. По мере развития, она сформирует пирамидальную и многоукладную структуру всей глобально-капиталистической мир-системы: «платформы» - ТНК - национальные компании регионального и национального

уровня – архаичные формы хозяйствования, «встроенные» в рыночные отношения.

Геоэкономическая много-полярность олигополии требует и большей гибкости мировой валютной системы, которая позволяла бы конкурировать нескольким эмиссионным центрам и, соответственно, была обеспечена реальным стоимостным эквивалентом. «Золотой стандарт» остался в прошлом. Национальные ресурсы, контролируемые государствами, и новая «диджитал-собственность» становятся новым материальным эквивалентом резервных валют. Эксперименты с цифровой валютой (биткоин и др.) сделали возможной подготовку денежно-валютной реформы на национальном и транс-национальном уровнях со стороны влиятельных геоэкономических центров. «Крипто-юань» (Китай), крипто-валюта ЕС (проект), цифровой «инвестиционный рубль» (инициатива в РФ), – первые свидетельства начавшегося системного перехода к глобальной мультивалютной системе. В отличие от первых криптовалют, функционирующих без какого-либо «обеспечения», как своеобразный спекулятивный диджитал-вексель, национальные и региональные крипто-валюты могут стать новой РЕАЛЬНОЙ валютой, обеспеченной резервами, накоплениями и собственностью эмитентов.

Закат «Pax Americana» и переход к многополярному миру с неизбежностью ведет и к многополярной валютной системе, с несколькими эмиссионными центрами, «региональными корзинами валют» и, возможно, общим резервным и платежным средством по аналогии с SDR (эмитент - МВФ), как универсальное средство в отношениях нескольких валютных систем.

В свою очередь, «гонка технологий» и создание новых секторов реальной экономики в странах и сообществах лидерах требуют упорядочить миграционные потоки, оптимизировать старые производственные и торговые цепочки, сбросить ненужные производственные издержки на местные (национальные и региональные) экономики.

Ультра-глобализация потребует управляемой глокализации – для баланса ресурсов, потребления, управляемого контроля за распределением совокупной прибыли между обществами «высоких стандартов» и «обществами низких стандартов».

Пандемия коронавируса сыграл роль своевременного «катализатора» для такой структурной реформы.

Трудовая миграция будет переориентирована на ограниченное и квотированное перемещение. Отток части мигрантов на родину, стихийные протекционистские мероприятия в условиях карантина и намерения местного капитала сыграть на так называемом «импорто-замещении» (особенно в секторах, ориентированных на внутреннее потребление, частично – старые индустрии) на самом деле – вполне удачное стечение исторических обстоятельств. Затратные и емкие производства могут быть обеспечены в национальных и региональных рамках, связывая местную низкоквалифицированную рабочую силу и сдерживая миграционные настроения.

Передовые сферы, требующие научной поддержки, знаний и современной квалификации, по-прежнему будут «свободно доступны».

Второе. Ключевое значение приобретают эффективность и устойчивость социальной организации обществ, обеспечивающие им социально-классовую устойчивость, высокий уровень инвестиций в образование, науку, здравоохранение, социальную инфраструктуру жизнеобеспечения.

«Производство человека» как уникального нового «товара», обладающего способностью продавать свои творческие качества и трудовые навыки, адаптироваться к разным культурно-потребитель-

ским системам – сущностная черта нового глобального капитализма. Социальный капитал и человеческий капитал становятся определяющими конкурентными преимуществами. Конкуренция за социальный и человеческий капитал, как в плане вовлечения в орбиту развития, так и возможная управляемая деградация социальных систем (наций, религиозных и культурных со-обществ) станет передовой «линией фронта» в борьбе за глобальное влияние.

Производство локализованных культурно-потребительских миров (со своим «миром идей» и «миром вещей») будет формировать и новую «карту» мира, в которой национальные структуры, рожденные предыдущим «американским веком», будут постепенно инкорпорироваться в мега-сообщества (европейское сообщество – «передовая» такой перспективы).

Третье. От территориального и финансового империализма страны-лидеры переходят к политике «технологического империализма», что во многом будет определять характер конфликтов и способы их разрешения. Лидерами среди стран и межстрановых альянсов будут те, кто обеспечивает непрерывное развитие и внедрение технологий передовых 5-го и 6-го технологических укладов.

Старая геополитика также постепенно уходит в прошлое вместе со старыми войнами и мощью военно-промышленного комплекса. На смену геополитики приходит геэкономика, с ее «дипломатией сделок» и новым частно-государственным корпоративизмом, с кибер-войнами и геокультурными стратегиями, которые нацелены на создание интегрированных мега-сообществ («культурных миров»).

Так называемые «новые войны» (термин «гибридные» популярен, но толкуется слиш-

ком вольно) будут вестись с применением не витального «оружия» - когнитивного (медиа, коммуникации), технологического (ограничения, конкурентное подавление за счет «гонки технологий» и внедрения «закрывающих технологий»), кибернетического (особенно учитывая уровень «диджитализации» технологических процессов, а также правовых, торгово-экономических и даже дипломатических отношений), экологического и др.

Четвертое. Новой чертой глобального мира является общее диджитал-пространство, обеспечивающее контроль за жизнедеятельностью практически каждого человека, независимо от гражданства, места проживания и социального статуса. Мир, разделенный на государства и региональные союзы, будет един в «цифровом измерении». Возможности «Искусственного Интеллекта» обеспечат невиданные в истории контроль и зависимость каждого человека от систем регистрации, пропусков и доступов, цифровых статусов и личных рейтингов. **В этом смысле, новый глобальный мир в человеческом измерении – реакционный глобализм, который футурологи справедливо называют глобальным цифровым тоталитаризмом.**

Пятое. Миграционный кризис, экологические и пандемические угрозы, глобальный характер финансовых потрясений и грядущей депрессии объективно повышают уровень координации национальных правительств и межгосударственных альянсов в проведении общих антикризисных политик.

Финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. («буревестник» грядущей Депрессии 2.0) связан с крахом «пирамиды» спекулятивного капитала, и был вовремя купирован антикризисными кредитными программами. Но, по большому счету,

впервые в экономической истории политическое взаимодействие правительств, межправительственных структур и национальных бюджетов позволило ограничить права и возможности глобального спекулятивного капитала, провести общую политику погашения «финансовых пузырей» без больших потрясений для реальной экономики. Вместе с тем, издержки кризиса стали своеобразным «отложенным долгом», который взяли на себя государства и межгосударственные организации, обменяв социально-экономическую стабилизацию на компенсационные потери, с отложенными долгами на будущее.

Вероятнее всего, контур глобального взаимодействия и развитие наднациональных структур координации и коллективного управления кризисами будет развиваться и дальше. «Большая двадцатка» и ООН, ВОЗ, МАГАТЭ, ЮНЕСКО и пр. структуры, рожденные в прошлом цикле глобализации, будут усиливать свое влияние и ограничивать реальный суверенитет всех без исключения акторов, лидеров и аутсайдеров. Экологические, биологические и культурные ограничения потребуют более жесткого контроля за поведением рискованных инвесторов, их крупными проектами и их корпоративным лоббизмом.

Олигополистический капитал, стремящийся к усилению своих интересов и увеличению прибылей на глобальном и региональном уровнях, будет сталкиваться с интересами правительств, международных структур и государственно-частных интересов.

Как уже утверждалось, третья глобализация будет разворачиваться в условиях реорганизованного глобального разделения труда, с локальными кластерами (региональные объединения и отдельные национальные экономики). А это, в свою очередь

усилит конфликтность глобально-го, олигополистического капитала с национальными правительствами, межгосударственными альянсами и международным структурами.

Шестое. В условиях «технологической гонки» и геокультурного «ого-раживания», корпоративные государства из развивающегося и «третьего» миров сталкиваются с реальной угрозой банкротства и внешней кредитной кабалы, и - даже распада.

Ставка на экспортные модели, где определяющей была сырьевая ресурсная база (ископаемые и продукция первичной переработки), в возникающих новых условиях – бесперспективна. Особенно учитывая грядущие энергетические революции, связанные с переходом на возобновляемые ресурсы и более эффективным использованием ядерной энергии, внедрением новых материалов с применением нано-технологий.

Реализация собственных прорывных программ и участие в региональных (коллективных) программах развития потребует смены модели взаимодействия государства и национального капитала. Другими словами, чтобы избежать внутренних кризисов, потрясений распадом, необходимо переходить к модели, консолидирующей национальный капитал и государство.

Ограниченный суверенитет и внешняя зависимость большинства молодых государств, появившихся на протяжении прошлого XX века, стали причиной печальных прогнозов о «быстрой смерти» национального государства и даже рождении новых «империй».

Возникший после кризиса 2008-2009 гг конфликт торговых свобод и национально-региональных протекций подтолкнул ряд развивающихся стран к

созданию новых инструментов защиты интересов своих экономик. Суверенные фонды, банки развития, программы государственно-частного партнерства, обеспечивавшие дополнительную силу и защищенность производителям на внешних рынках, внешнеэкономический государственный и региональный лоббизм стали новым инструментом по защите своих интересов и их продвижению вовне. **Такую модель развития в условиях трансформации и перехода в следующий цикл развития можно определить как политику нового государственного капитализма.**

Справочно. Термин «суверенные фонды» или «фонды благосостояния» появился в 2005 году. Наряду с валютными резервами национальных банков и правительств, суверенные фонды обеспечили дополнительные способы и возможности гекономического влияния при проведении национальной экономической политики как внутри, так и вовне. Среди нескольких десятков стран, создавших такие фонды, только одна представляет Европу, - Норвегия. Совокупная стоимость активов всех суверенных фондов в 2005 году составляла порядка 5-6 трлн долл. США, к настоящему времени их стоимость (финансовые средства, ценные бумаги, инвестиционные вложения) оценивается в 10 и больше трлн долл. Среди лидеров – Китай, РФ, Бразилия, страны Ближнего Востока.

Государства, освоившие механизмы нового государственного капитализма, уже сейчас обеспечили себе дополнительные преференции в борьбе за рынки сбыта и выгодных инвестиций в ресурсы развития (сырьевая база, вынесение производства, конкуренция технологий и технологических стандартов), а также новые инструменты «гибридного влияния» на политические режимы стран, которые яв-

ляются предметом особого интереса (геоэкономические интересы, региональная безопасность или геокультурное влияние).

«Современное возрождение геоэкономики, ныне заметное в глобальном масштабе, подразумевает серьезные, структурные изменения самой логики и тактики внешней политики. Иногда вполне достаточно просто поиграть геоэкономическими «мускулами» для достижения геополитических целей – вспомним о 12 миллиардах долларов, которые поступили в Египет из стран Персидского залива в течение нескольких недель после отстранения от власти бывшего президента Мурси» (Р.Блэквилл, Д.М. Харрис, «Война иными средствами»).

Таким образом, в годы Депрессии 2.0 и посткризисного восстановления наиболее вероятны национально-региональный эгоизм, укрепление региональных альянсов и широкое внедрение моделей «нового государственного капитализма» (в региональных альянсах – с высокой координацией интересов в пределах общего социально-экономического пространства).

Седьмое. Лидерами «технологической гонки» и, соответственно, конкурентными центрами накопления капитала, вероятнее всего, станут США и Китай.

Геоэкономическая стратегия Китая на «расширение» будет в ближайшие десятилетия сконцентрирована на реализацию проекта «Пояс – Путь», конечная цель которого – формирование общего экономического пространства на континенте, включающем страны Европы, Евразии, и Востока. Драйвером этой стратегии может стать быстро укрепляющаяся организация ШОС, фактически «поглощающая» слабый ЕАЭС (Россия+).

Провал проекта единого трансатлантиче-

ского сообщества (США+ЕС) и системный кризис ЕС в условиях пандемии и начавшейся Депрессии 2.0 создает уникальную историческую предпосылку для реализации «китайского плана Маршалла», а вернее – своеобразного «Шелкового плана» для участников и партнеров по проекту «Пояс – путь» (что, кстати, вписывается в китайскую стратегию долгосрочного развития Go Global, наряду с продвижением китайских корпораций в Африке).

Новый виток борьбы за континент между США и Китаем развернулась в условиях пандемии коронавируса, и будет набирать обороты. Вероятнее всего, именно судьба всего евро-азиатского континента (общее пространство или континентальный водораздел) и будет основной интригой в борьбе за лидерство между США и Китаем на ближайшие десятилетия.

Сбудется ли прогноз Карла Каутского столетней давности, сегодня сказать сложно. Но все же к этим словам стоит прислушаться: **«Сильная конкуренция гигантских предприятий, гигантских банков и миллиардеров порождает идею о картелях финансовых королей, поглощающих более слабых. Так может случиться и в настоящей мировой войне между империалистскими великими державами. Союз сильнейших из них может положить конец соперничеству в вооружении. Исходя из чисто экономической точки зрения, не исключена возможность того, что капитализм пройдет еще одну фазу. Система картелирования будет перенесена во внешнюю политику. Наступит фаза сверхимпериализма»** (Карл Каутский, «Империализм»)

II

Национальное стратегирование в эпоху ультра-глобализма

В экономике XXI века главными акторами

становятся государства-корпорации и крупные региональные союзы.

«(...) некоторые наиболее могущественные страны мира, особенно так называемые растущие державы, охотно прибегают к геэкономике. (...) Это не означает, конечно, что они пренебрегают военной мощью (рост военных расходов в Китае, России, странах Персидского залива говорит об обратном). Для сегодняшних наиболее успешных геэкономических держав геэкономические и военно-политические аспекты государственности, как правило, носят взаимодополняющий характер (...). Вторым фактором современного возрождения геэкономике является то обстоятельство, что нынешние государства имеют гораздо больше экономических ресурсов в своем непосредственном распоряжении, чем в предыдущие эпохи. Иными словами, налицо возвращение – в новой форме – государственного капитализма. Подобно геэкономике, государственный капитализм – не изобретение наших дней, но он явно восстанавливает былые позиции. Еще один фактор возрождения геэкономике связан с изменениями на мировых рынках, в частности, современные рынки – более емкие, скоростные, интегрированные и с большей долей заемного капитала, чем когда-либо прежде – оказывают прямое влияние на геополитические решения конкретных стран. (...)» (Р.Блэквилл, Д.М. Харрис, «Война другими средствами»)

В отличие от государств-наций, государства-корпорации не ограничиваются «жизненным пространством» собственного общества-нации. Они живут в рамках интересов и возможностей капитала, привязанного к территории, но **продвигают свои проекты с помощью государства в региональных и транс-региональных масштабах.**

Общественная система уже не мобилизуется за счет дисциплины, репрессий и идеологии национальной мобилизации, а укрепляется за счет привлекательности условий и организации жизни. Проще говоря, **конкурируют не идеологии, а социальные организации обществ:** социальные институты и качество жизни, объем и эффективность государственных социальных и гуманитарных инвестиций, толерантность и возможности самореализации, и др. В привлекательные социальные организации человеческий капитал «вливается» самостоятельно, люди инвестируют себя в новую систему путем миграции, участия в экономических, научных, творческих и пр., проектах, инвестируют в образование своих детей в той или иной стране, и т.д. Собственно, так и обеспечивается выгодный переток квалифицированной рабочей силы и образованного человеческого капитала. Отток мигрантов из Украины в страны ЕС или в РФ – яркие примеры этого процесса. Для государств ключевое значение приобретает эффективность и продуктивность государственной миграционной политики (привлечение человеческого капитала, а также отбор и ограничения, в зависимости от культурных, возрастных и профессиональных приоритетов).

Новый государственный капитализм (далее - НГК) – это не старая модель государственно-монополистического капитализма, ставшая в свое время почвой для милитаризации экономик и создания «тоталитарных моделей» первой половины XX века.

НГК в условиях ультра-глобализма – **это политика корпоративного государства с целью укрепления экономического суверенитета, с опорой на национальный (и связанный с ним транс-национальный капитал) в услови-**

ях новой многополярной глобализации. В основе политики НГК - новые механизмы взаимодействия с частным капиталом (крупным, средним, а также со средой малого бизнеса), протекция национально-частных интересов на глобальных рынках, укрепление государственного сектора в сферах, обеспечивающий безопасность и конкурентные преимущества национальной экономики.

Государства, которые в новых условиях продолжают проводить политику «открытого рынка» и свободной конкуренции, с ограничением государства как участника и игрока, превращаются в доступный трофей чужих стратегий: потеря контроля над ресурсами развития, утрата внутреннего рынка, зависимость от технологического порта, потери человеческого капитала.

Государства, освоившие инструменты геоэкономической конкуренции, становятся новыми центрами роста и накопления. Таков восходящий тренд первой половины XXI века.

Особенности политики «нового государственного капитализма» (НГК):

Контроль за внутренним рынком, «разумный монополизм» как элемент национальной экономической безопасности в жизненно важных отраслях.

Инструменты. Государственно-частное партнерство, национальные проекты и целевые государственные программы поддержки национальных компаний, создание государственно-частных предприятий, создание суверенных гарантийно-накопительных, инвестиционных, инновационных и лизинговых фондов.

Внешнеэкономическая политика: конкуренция за рынки сбыта, участие в ге-о-проектах и доминирующие технологии.

Инструменты. Политика санкций и преференций, поддержка технологических инвестиций с участием национальных компаний, кредитная и дипломатическая поддержка геоэкономических инвестиционных проектов с участием государственных банков национальных компаний.

Конкуренция за ресурсы развития (энергоресурсы и др. сырьевые ресурсы, продовольствие, новая транспортно-коммуникационная инфраструктура).

Инструменты. Государственные предприятия в ключевых сферах с долей контроля не менее 25% (добыча и первичная переработка сырья, производство и экспорт продовольствия на внешние рынки, поддержка компаний-экспортеров услуг и технологий (в том числе, технологий индустриального уклада на рынки развивающихся стран), лоббирование и сопровождение национальных государственных, частных и государственно-частных компаний в международных инфраструктурных проектах (напр., в проектах «Пояс-Путь»).

Суверенизация национальной валютной политики. Инвестиции в партнерство и лояльность.

Инструменты. Увеличение доли двусторонних расчетов в национальной валюте, правительственная помощь другим правительствам в национальной валюте, инвестиции в совместные с другими правительствами производственные проекты из ресурсов Суверенных фондов, создание национальной крипто-валюты.

Наращивание суверенного экономического потенциала.

Инструменты. Политика национальных проектов, государственные и государственно-частные банки как внутренний кредитор приоритетных проектов, развитие экономической дипломатии как инструмента

внешнего лоббизма, наращивание доли критического экспорта в страны приоритетного интереса: энергоресурсы и продовольствие (при наличии экспортного потенциала), цифровые технологии и оборудование, строительные проекты, технологические инвестиции в реальный сектор, поставка высокотехнологической продукции группы А, и пр.

Расширение геоэкономической сферы влияния.

Инструменты: создание или участие в макро-региональном объединении, миноритарное участие в геоэкономических проектах регионального и транс-регионального масштаба (крупные частные и государственно-частные компании), формирование высокотехнологических «инновационно-инвестиционных центров роста» в национальной экономике как объектов внешнего инвестирования (предпочтительно – со стороны стран-партнеров по макрорегиональному объединению), проведение коллективной налогово-бюджетной и таможенной политики, защищающей общее экономическое пространство стран-партнеров и стимулирующей приоритетные сектора общего экономического пространства объединения («коллективное кейнсианство»).

III

НЭП для Украины:

политика «нового государственного капитализма»

Нео-либеральная волна, охватившая Западный мир в начале 1980-х, казалась несомненным и абсолютным триумфом либеральной мысли в экономике и государственном строительстве. «Легкое государство», чья ответственность ограничена лишь небольшим пакетом социальных гарантий и военной

безопасностью, снижение налогового бремени для всех предпринимательских кругов (включая финансовую элиту со сверхдоходами), господство утопии о «среднем классе» как о новом устойчивом социальном большинстве в либеральных обществах, - лишь небольшой набор черт новой модели современности, которая соответствовала духу «конца истории» (Ф.Фукуяма, конец 1980-х).

После распада бывшего «соцлагеря» в Центральной Европе и самого БСССР, в подавляющем большинстве новообразованных государств были заявлены курсы «либеральных реформ» (примеры – «шоковая терапия» Бальцеровича в Польше: «гайдарономика» в РФ, «радикальные реформы» Л.Кучмы в Украине, etc.).

Нео-либеральная волна продлилась добрых 20 лет, и начала давать сбои в связи с возникновением нового феномена глобальной экономики – «экономики деривативов» и финансовых спекуляций, которые создавали риски стабильности целым государствам и экономическим альянсам.

Серия дефолтов и «черных пятниц» (дефолты в Аргентине, РФ, «азиатский кризис» и пр.) свидетельствовали о нарастающей глобальной нестабильности. Новые национальные рынки, создававшиеся по модели открытых систем, вместо роста демонстрировали слабость и стагнацию, быстрый «свал» в сырьевые модели. **Обещанные быстрые успехи т.н. «либеральных рыночных реформ» оказались фейком.** Одновременно с этим, даже самые богатые страны, оказавшись заложником глобальных финансовых пирамид и долговой кабалы, были вынуждены сворачивать объем социальных инвестиций и отказываться от ставших уже привычными

стандартов социальной ответственности государства. В частности, в Европе очевидным стал отказ от т.н. «шведской модели» высоких социальных стандартов.

Слабое государство в условиях глобализма и господства транснациональной финансовой элиты кредиторов и хедж-инвесторов оказалось неэффективным, а риск социальных взрывов и протестов против демонтажа «социального государства» - крайне высоким.

За последние 20 лет Украина стремительно теряет качества социального и человеческого капитала индустриальной эпохи. Архаизация жизненного уклада и обострившиеся социальные противоречия опережают все модернистские новшества. Общество приобретает разнородную молекулярную структуру «конфликтных множеств». Неэффективность государства, хищническое поведение элит и трофейное состояние экономики уже привели к конфликтам и потерям территории, деиндустриализации, провинциализации страны.

И если **первый трансформационный кризис** (1980е-начало 1990-х) был связан с распадом БССР и формированием группы корпоративных государств, то с исчерпанием эффективности и «социальной приемлемости» трофейного и коррумпированного капитализма (- «суррогатный капитализм» - авт.термин) **разворачивается второй трансформационный кризис (середина 2000-х - 2020+)**, с выраженными внутригосударственными конфликтами на социальной почве (протестные выступления, антикоррупционные кампании, региональный сепаратизм и радикальные протестные течения на этнической, культурной, религиозной почве).

Украина вошла во второй трансформационный кризис в старой неолиберальной пара-

дигме развития, без надежных геоэкономических партнеров и с разбалансированной экономикой в пред-дефолтном состоянии.

Можно было предположить, что прохождение второго трансформационного кризиса займет куда больший отрезок времени, чем обвальный распад БССР.

Но социально-экономические последствия политики карантина в условиях пандемии коронавируса и начало мировой Депрессии 2.0 существенно ускоряют кризис в Украине и могут привести к необратимым, даже катастрофическим последствиям для национальной экономики, станут почвой для новых социальных конфликтов и политических потрясений уже к концу 2020-началу 2021 гг.

Риск состоит в том, что подрыв доверия к государственной власти и выраженный социальный характер внутренних конфликтов приведет к неизбежной трансформации всего национального пространства – вплоть до его внутренней «глокализации» и даже распада.

Исходя из нынешнего положения и заявленных намерений власти, два гипотетических варианта прохождения кризиса:

I «3-я революция среднего класса». Анти-элитарный (антикорпоративный, анти-олигархический) социальный процесс, связанный с изменениями состава власти и преобразованием институтов государственности, в результате выборов или политических переворотов. Этот путь может быть привлекателен для активной части населения, но в итоге лишь усилит кризисно-депрессивные процессы в деиндустриализированной экономике, укрепит сепаратистские настроения региональных элит.

II Консервация положения на основе жесткой мобилизационной модели и авто-

кратического правления, – и локальные социальные бунты городского класса, местечковый сепаратизм. Основа – альянс правящих групп с силовой элитой (армия спецслужбы и правоохранительные органы), жесткая административная вертикаль. Авторитарная реставрация в условиях конфликтов и нищеты может затянуться на 3-5 лет. По существу, **сценарий застоя**, сохраняющий полуколониальное положение страны.

Восстановление субъектности украинского государства и обеспечение «эффективного суверенитета» (даже с учетом возникших внешних долговых зависимостей и обязательств в рамках международных организаций) может быть обеспечено прежде всего за счет наращивания геоэкономического потенциала государства и создания инструментов, обеспечивающих «мирные победы».

Украине необходима собственная политика «нового государственного капитализма» (НГК), которая возможна при условии достижения широкого компромисса в среде национального капитала – от крупного олигархического до объединений малого и среднего предпринимательства – с целью достижения (условно) «нового корпоративного договора» по обеспечению «экономического суверенитета» в условиях Депрессии 2.0 и новой (третьей) волны глобализации (ультра-глобализации).

Политика «НГК» должна рассматриваться как способ ре-организации экономики под задачу ускоренной и успешной модернизации, проведения незавершенной до сих пор структурной реформы экономики и региональной реформы, создания механизма взаимодействия государства и национального капитала в новую эпоху ультра-глобализма.

Политика «НГК» позволит реализовать долгосрочную геоэкономическую стратегию как по усилению и укреплению национальной экономики (структурная реформа, создание внутренних промышленно-сырьевых и производственно-коммуникационных кластеров), так и по реализации национальных задач в странах и регионах «особых приоритетов» (Европа, Евразия, Ближний Восток, Африка – с по-страновым фокусом).

По существу, речь идет о реформистском, «мягком» варианте превращения коррумпированного государства-корпорации в конкурентоспособную и влиятельную вовне модель корпоративного государства, которое эффективно управляет своими ресурсами развития в рамках глобального разделения труда.

Действенным механизмом по выработке политики «нового государственного капитализма» в кризисный и пост-кризисный периоды может стать механизм «ответственного социального партнерства» («трипартизм»). Участники ежегодного Генерального Соглашения о социально-экономической политике – Кабинет Министров, работодатели и профсоюзы – **могут создать постоянно действующий Совет Ответственного Партнерства**, в состав которого должны войти союзы промышленников и предпринимателей, бизнес-ассоциации, лидеры ведущих ФПГ и руководители крупнейших госкомпаний, профсоюзы, представители Кабинета Министров (уровень вице-премьеров). Совет Ответственного Партнерства вместе с Научно-Экспертным советом в составе ведущих академических институтов (НАНУ) и аналитических центров станет «центром инициатив»: подготовки предложений по Национальным проектам развития, согласованию основных

направлений политики «нового государственного капитализма» в отношении разных групп капитала, соблюдения интересов наемного труда и микро-бизнеса.

Потенциал развития Украины (2020+):

#Промышленность (старо-индустриальная сырьевая и фрагменты новой индустрии – ОПК, машиностроения, авиакосмическая, судостроение, др.), обеспечивающая присутствие на мировых рынках индустриального «сырья» (металл, продукция химии), продукция агро-индустрии (продовольствие), вооружения, космических технологий, услуги по морским, железнодорожным, автотранспортным и авиаперевозкам, по транзиту энергоносителей (газо-нефтемагистрали и газохранилища, являющиеся частью обще-континентальной системы энергетических коммуникаций). В Украине сохраняется высококонцентрированный крупный капитал, организованный в вертикально-интегрированные компании – как частные, так и государственные. Это существенная особенность экономической системы Украины, которая должна быть использована как важная предпосылка для консолидации государства и капитала.

#Высокий потенциал малого и среднего бизнеса, микро-бизнеса, который может быть реализован в рамках долгосрочных Национальных проектов развития при условии создания новых механизмов государственной поддержки и коммунально-частного партнерства.

#Развитая система высшего образования и науки (специальные ученые заведения и ВУЗы, НАНУ, ведомственные научные учреждения, сеть ИКБ).

#Современный и быстрорастущий IT-сектор, который способен обеспечить реали-

зацию программ «цифровой экономики», основываясь на собственном потенциале, опыте и квалификации;

#Потенциально сильный пул государственным банков, капитал которых оставляет около 50% совокупного банковского капитала в стране.

#Достаточная ресурсная база (ископаемые, включая минеральное сырье, урановые руды, полиметаллы) и земельные ресурсы аграрного назначения.

Предложения по реализации политики «НГК» (на данном этапе):

Национальные проекты развития

Долгосрочные государственные программы, связывающие интересы государства, капитала, гуманитарные общественные интересы. Проекты носят комплексный характер, связывая бюджетную политику государства, корпоративные стратегии и программные документы местных властей (регионы, самоуправление).

Перечень Проектов должен утверждаться на законодательном уровне в рамках средне- и долгосрочного бюджетного планирования.

Среди приоритетных направлений (пример - проектные предложения):

«Украинская агро-индустрия» (высокотехнологичная экономика продовольствия)

«Новая инфраструктура»

«Экономика простых вещей» (микро-, малый и средний бизнес)

«Ре-индустриализация» (модернизация старой промышленности)

«Украина – морская держава»

«Новое социальное государство» (инвести-

стиции в здравоохранение, национальная социальная служба)

«Цифровая экономика»

«Университет-21»

(...)

Финансовые инструменты и резервы

1. Создание банковского объединения (консорциума) из числа госбанков с целью финансирования (кредиты, лизинг) национальных проектов, сопровождения экспортных программ национальных корпораций, участия в кредитовании геоэкономических проектов.

Государственные банки должны выступать в роли операторов **целевого рефинансирования со стороны НБУ на Проекты Национального Развития и программы поддержки экспортеров.**

2. В краткосрочной перспективе – создание в рамках Казначейства (с расширенными функциями) Фонда национальных резервов и гарантий, который формируется из резервов высоколиквидных минералов и металлов. Их добыча, обработка и использование должны находиться в государственной монополии (либо – 100%-й выкуп государством у уполномоченных частных и частно-государственных добывающих компаний). Резервы Фонда могут состоять из запасов янтаря, драгоценных камней и металлов, редкоземельных металлов. Создание такого Фонда предполагает обеспечение гарантированного контроля за разведкой, добычей, продажей и накоплением резервов. Фонд может быть использован под обеспечение гарантий по внешним и внутренним займам, для выпуска правительственных бумаг займа, и выдачи государственных гарантий.

ГАК «Украинские полиметаллы» может

стать рыночным механизмом обеспечения Фонда. С этой целью необходимо восстановить предприятие, обеспечивающее Фонд национальных резервов и гарантий.

3. В перспективе 3-4 лет - Создание Государственного (Суверенного) Фонда развития, капитал которого формируется на основе фиксированной части поступлений от экспорта ведущих государственных и государственно-частных корпораций. Средства Фонда используются для **финансирования Национальных проектов развития, инновационных программ для малого и среднего бизнеса, геоэкономических проектов.**

4. Расширение функций и возможностей Государственного агентства резерва Украины (Госрезерва): антикризисное резервирование экспортной продукции в период спадов и колебаний на внешних рынках (ГМК, Химпром), сокращение сроков резервирования продукции для стимулирования внутреннего оборота (продовольствие), императивный госзаказ на продовольствие с возможностью экспортных операций (как инструмент национальной агрополитики - влияние на конъюнктуру заказа на производство разных видов продовольствия).

Государственный сектор: взаимодействие с частным капиталом (отдельные предложения)

#Крупные Национальные (государственные и государственно-частные) корпорации в ключевых, имеющих стратегическое значение, экономических сферах. Правовой базой для таких подходов должно стать обновленное законодательство о государственно-частном партнерстве,

в концессионной и трастовой политике, проектах объединения государственного и частного капиталов.

#Создание правового механизма использования государственного резерва земель агро-назначения (часть из 10 млн гектар) **для передачи в концессию** национальным агро-компаниям и/или создание государственно-частных крупнотоварных компаний, использующих земельные ресурсы в рамках долгосрочных продовольственных программ (экспорт, пополнение Госрезерва, создание новых продовольственных кластеров с производством продукции с высокой добавленной стоимостью)

#Концерны авиа- и ракетостроения имеют перспективу только как участники крупных международных программ и должны быть интегрированы в высокотехнологические транснациональные компании.

#Горно-металлургический комплекс и химическая отрасль. **Создание государственно-частных компаний (корпораций), на основе трастовых отношений с крупными частными партнерами государства** (с ведущими добывающими, металлургическими и химическими частными компаниями) с целью сохранения и расширения рынков сбыта продукции и увеличения доли потребления продукции на внутреннем рынке.

#Топливо-энергетический комплекс. Развитие НАК «Нефтегаз» в **естественного монополиста по добыче и переработке нефти и газа в Украине с целью максимально полного обеспечения внутреннего рынка**, расширение рынков добывающих и строительных услуг, участие в международных консорциумах (Ближний Восток, РФ, Африка) по добыче минеральных энергоресурсов.

#Целесообразно консолидировать судостроительные компании в единую государственно-частную судостроительную корпорацию, способную создать **новый национальный торговый флот** на основе «длинных» кредитно-лизинговых программ (напр., в рамках Национального проекта развития «Украина – морская держава»).

Развитие местной экономики и «экономика простых вещей».

#Региональные стратегии (региональные и местные органы самоуправления), разработанные с учетом долгосрочных программ развития государственных и государственно-частных корпораций, и основывающиеся на методологии пространственного анализа и гео-пространственного проектирования. Законодательного обеспечения требует коммунально-частное партнерство, нацеленное на развитие местной («коммунальной») и региональной экономик, реализацию проектов в рамках «Экономики простых вещей».

#Необходимо трансформировать Государственный Фонд регионального развития в две структуры.

Государственный Фонд Регионального Развития (ГФРР) ориентирован на проекты, реализуемые органами местного самоуправления, с привлечением внешних грантов, на принципах долевого участия.

Новый фонд – «Фонд предпринимательской инициативы» (ГФПИ, рабочее название) – должен быть ориентирован на софинансирование проектов малого и среднего бизнеса на региональном уровне. Уместно использовать опыт Казахстана по реализации государственной программы «Экономика простых вещей», которая реа-

лизуется совместно с органами местного самоуправления и бизнесом на принципах долевого участия (финансовая поддержка на долгосрочной возвратной основе). В организации работы нового фонда – ГФПИ – может быть использован опыт ГФРР.

Определенный корпоративный монополизм Национальных Корпораций (государственных и государственно-частных) в ключевых сферах национального рынка, с одной стороны, и конкурентные условия (дерегуляция на внутреннем рынке и новые механизмы поддержки) для малого и среднего бизнеса вне сфер национальных стратегических интересов, с другой, позволят снизить степень внешнего влияния, обеспечить внутренний бизнес-консенсус между государством и предпринимательским классом. Тем более, что малый и средний бизнес зависим от стабильной прибыльной работы, экспортных доходов и уровня ре-инвестирования крупного капитала в национальную, часто является его подрядчиком и потребителем внутренних инвестиций.

Концентрация ресурсов и «умный монополизм» государственной геоэкономической (корпоративной) политики позволит ускорить внутреннюю модернизацию, создать устойчивое внутреннее разделение труда и «загрузить» заказами предпринимательские и промышленные возможности страны, создаст условия для развития новых территориально-промышленных кластеров, обеспечит заказами на рабочую силу сферу высшего и среднего специального образования, позволит инвестировать «длинные» научно-технологические разработки и программы.

Заключительные замечания

Эффективное корпоративное государство, владеющее геоэкономическим стратегическим мышлением и геоэкономическими инструментами, сохраняет стабильность при условии сохранения и развития модели «социального государства», политики мира и развития единого на-

ционального пространства (экономического, гуманитарного). И это должно быть предметом отдельного стратегирования.

В этом докладе не изложены предложения по гуманитарной, культурной и социальной политике, трансформации политической системы и новой региональной политике.

Политика «НГК» предполагает разработку «длинных» политик – агро-индустриальной, ре-индустриализации, «экономики простых вещей», «электронной» экономики и др., которые могут быть оформлены в качестве Национальных проектов развития. Как и гуманитарная, социальная и культурная политики.

Также вынесены «за скобки» внешне-политические приоритеты государства и новая геоэкономическая стратегия.

Вместе с тем, наиболее перспективной представляется геоэкономическая стратегия на про-активное и инициативное участие в континентальных гео-проектах и программах, сближающих Европейский союз и страны объединения ШОС (прежде всего, «Пояс – Путь»). Этот подход изложен в программном документе «Новое континентальное мышление»

~